

Дополнения к книге «Дальнее и совсем близкое»

Дополнение к главе 2 части 1 книги. Хандингтон о цивилизациях

В этом файле приведены цитаты из труда

Самюэл Хандингтон, Столкновение цивилизаций. М., АСТ, 2003.

Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, 1996 (Перевод названия: столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка).

Представлено то, что показалось особенно интересным и поразительно не опровергнутым ходом 25-ти лет, прошедших с опубликования этого большого труда, а также то, что связано с ролью в мире именно России.

Как раз в отношении России Хандингтон не во всём явился провидцем (как и в отношении Турции). Вполне осознавая проблематичность демократизации вообще, он, когда в 1995 году создавал свой труд, видимо, был так восхищён преобразованиями, происходящими в некоторых странах, что оказался избыточно оптимистичным.

Наиболее значительные соображения, высказанные давно и, видимо, опередившее своё время, Хандингтон собрал в заключительную главу 12.

Многочисленные ссылки, а также обширные числовые и графические данные, которыми автор обосновывал свои выводы, не цитируются. Часть цитат сокращена, что отмечено знаком <...>.

Из главы 1

Хандингтон отгораживается от оптимистического утверждения своего ученика Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», т.е. о том, что с окончанием «холодной войны» на планете воцарится мир. Он цитирует своего ученика:

“Видимо, мы становимся свидетелями <...> конца истории как таковой: это означает конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. Конечно же, кое-где в третьем мире могут иметь место конфликты, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. <...> Будущее посвящено не великим битвам за идеи, но скорее решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет достаточно скучно.”

Мы, в 2022 году, знаем, что прав был Хандингтон, а не Фукуяма, скучно не стало.

«Страны со сходными культурами и общественными институтами будут иметь сходные интересы. Демократические государства имеют много общего, поэтому они не сражаются друг с другом. Канаде вовсе не нужно заключать союз с другой страной, чтобы предотвратить вторжение США.»

«В мире после “холодной войны” государства все больше определяют свои интересы с учетом цивилизаций. Они сотрудничают и заключают союзы с государствами, имеющими схожую или общую культуру, а конфликтуют намного чаще со странами с другой культурой.»

Автор формулирует два подхода к проблеме Россия-Украина и, соответственно, – два прогноза.

Первый подход исходит из концепции «государств как цельных и самоопределяющихся объектов». Автор цитирует сторонника этого подхода: «Отношения между Россией и Украиной сложились таким образом, что обе страны готовы развязать соперничество по вопросам безопасности. Великие державы, которые имеют одну общую протяженную и незащищенную границу, часто втягиваются в противостояние из-за вопросов безопасности. Россия и Украина могут преодолеть эту динамику и сосуществовать в гармонии, но это будет весьма необычным развитием ситуации.» Этот «подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны».

Второй подход «делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах.» Он фиксируется «на цивилизационной “линии разлома”, которая делит Украину на православную восточную и униатскую западную части». Об этом автор более подробно пишет в главе 7: «Украина – это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий. В различные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть ее населения является приверженцами униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского. Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны, было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски.» Этот подход снижает возможность российско-украинской войны «до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. Учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии.»

Хандингтон – сторонник второго подхода, однако жизнь пошла путём первого. Аннексия Крыма и полуаннексия восточных частей двух украинских областей, пограничных с Россией, явно поставили под сомнение, что в случае раздела страны восточная ее часть осталась бы независимой. Более того, отрыв Россией частей страны, как видно, объединил украинское общество, действительно превратил Украину, согласно формулировке первого подхода, в «цельный и самоопределяющийся объект» и сильно стимулировал начать труднейший прыжок из православной, как её называет Хандингтон, цивилизации в западную.

Из главы 2

«И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация – это явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя “ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение”.»

«<...> нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация.»

«Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят – цивилизации остаются <...>.»

О современном составе цивилизаций:

«<...> пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). К этим пяти цивилизациям целесообразно добавить

православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.»
«Запад включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию.»

«Марксизм был продуктом европейской цивилизации, но он в ней не укоренился и не имел успеха. Вместо внедрения этой идеологии на Западе, модернизаторская и революционная элита импортировала ее в не-западные общества; Ленин, Мао и Хо Ши Мин подогнули ее под свои цели и использовали, чтобы бросить вызов западному могуществу, а также чтобы мобилизовать свои народы и утвердить их национальную идентичность и автономность в противовес Западу. Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означает, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и индивидуальностью не-западных культур.»

Об идеологиях: «они все – порождения западной цивилизации. Ни одна другая цивилизация не породила достаточно значимую политическую идеологию. Запад, в свою очередь, никогда не породил основной религии. <...> По мере того, как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие культурные формы идентификации.»

«<...> в отличие от времен “холодной войны” уже не доминирует один раскол: между Западом и другими цивилизациями и также многими не-западными цивилизациями существует несколько расколов.»

«Каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный сюжет истории человечества.»

«На протяжении нескольких веков евреи сохраняли свою культурную идентичность, живя в западной, православной и исламской цивилизациях. С созданием Израиля евреи получили все объективные атрибуты цивилизации: религию, язык, обычаи, общественные институты, политический и территориальный “дом”. Но как насчет субъективной идентификации? Евреи, живущие в иных культурах, по-разному соотносили себя со средой, начиная от абсолютной идентификации себя с иудаизмом и Израилем, до номинального иудаизма и полной идентификации с той цивилизацией, внутри которой они находятся. Последнее, однако, имело место главным образом среди евреев, живущих на Западе.»

Из главы 3

«Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации – это оплошление западной культуры. <...> Центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия.»

«<...> английский является средством межкультурного общения, точно как христианский календарь стал всемирным инструментом измерения времени, арабские цифры – всемирным способом счета, а метрическая система, большей частью, всемирной системой измерения. Использование английского языка тем не менее является межкультурным средством общения; здесь подразумевается существование

различных культур. Это средство общения, а не источник идентичности или общности.»

«Конец двадцатого века стал свидетелем повсеместного возрождения религий <...>. Это возрождение заключалось в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений. Таким образом, различия между религиями усилились.»

«Христианство распространяется в первую очередь путем обращения приверженцев других религий, а ислам – за счет как обращения, так и воспроизводства.»

«Наивной глупостью является мысль о том, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, победу, в результате которой мусульмане, китайцы, индийцы и другие народы ринутся в объятия западного либерализма как единственной альтернативы. Деление человечества времен “холодной войны” позади. Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов.

В том, что информационный поток между народами увеличивается, сомнений нет. Однако существует немало сомнений насчет влияния этого растущего потока. Увеличивает или снижает торговля вероятность конфликта? Предположение о том, что она снижает вероятность войны между нациями, по меньшей мере, не доказано, а вот свидетельств противоположного существует множество.»

Из главы 4

«<...> могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться. Когда превосходство Запада исчезнет, большая часть его могущества просто-напросто испарится, а остаток будет рассеян по региональному признаку между несколькими основными цивилизациями и их стержневыми государствами. Наиболее значительное усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций (и так будет продолжаться и далее), и Китай постепенно прорисовывается как общество, которое скорее всего бросит вызов Западу в борьбе за глобальное господство. Эти сдвиги в соотношении власти <...> между цивилизациями ведут и будут вести к возрождению и росту культурной уверенности в себе не-западных обществ, а также к возрастающему отторжению западной культуры.»

«Модернизация (техники, экономики...) не обязательно означает вестернизацию (сознания, политики...). Не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт. При этом какие бы преграды на пути модернизации ни ставили не-западные общества, они бледнеют на фоне тех преград, которые воздвигаются перед вестернизацией. <...> Модернизация, <...> сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным.»

«Усиление могущества не-западных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению не-западных культур во всем мире.

Парадокс: принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным

политическим движениям. Результатом является объединение народа против элит, получивших образование на Западе и ориентированных на Запад.»

«Люди переезжают из сельской местности в города, отрываются от своих корней, <...> взаимодействуют с огромным количеством незнакомцев и подвергаются новым моделям отношений. Им нужны <...> новые формы стабильного сообщества и новые моральные устои, которые дали бы им чувство смысла и цели. Религия, ее направления, фундаментальные течения отвечают этим требованиям.

Религиозное возрождение во всем мире – это реакция на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того – утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и людской солидарности. Религиозные группы удовлетворяют социальные потребности, которые государственная бюрократия оставляет без внимания. <...> Крушение устоев и развал гражданского общества создают вакуум, который заполняется религиозными, зачастую фундаменталистскими, группами.»

Из главы 5

«Как азиаты, так и мусульмане подчеркивают превосходство своих культур над западной. Азия и ислам стоят особняком, а иногда – вместе, из-за своей все растущей самонадеянной самоуверенности в отношениях с Западом. Азиатская самоуверенность основана на экономическом росте; уверенность в себе мусульман в значительной мере является результатом социальной мобилизации и роста населения. Каждый из этих вызовов имеет в высшей степени дестабилизирующий эффект на глобальную политику и будет продолжать оказывать его и в двадцать первом веке.»

«<...> китайцы стали перед выбором: обратиться ли им к Западу или обратиться к внутренним традициям. Руководство избрало новую версию: капитализм и интеграция в мировую экономику, с одной стороны, в сочетании с политическим авторитаризмом и возвращением к корням традиционной китайской культуры – с другой.

В конце двадцатого столетия китайские политические лидеры <...> превозносили конфуцианство как источник прогресса Китая. <...> Особенное место в этой системе ценностей отводится бережливости, семье, работе и дисциплине.»

«Всеобщая неспособность либеральной демократии закрепиться в мусульманских странах – это длительный и повторяющийся феномен, растянувшийся на целое столетие, начиная с 1800-х годов. Этот провал хотя бы частично объясняется недружелюбным отношением исламской культуры и общества к западным либеральным концепциям. <...> Сила Исламского возрождения и притягательность исламистских движений заставили правительства поддерживать исламские институты и обычаи, а также позаимствовать исламские символы и обычаи для своих режимов. На самом широком уровне это означает утверждение или подтверждение исламского характера своей страны или общества.»

«В ближайшие десятилетия экономический рост в Азии будет оказывать глубоко дестабилизирующий эффект на установившийся международный порядок, где доминирует Запад, а развитие Китая, если оно продолжится, приведет к значительным изменениям в соотношении сил среди цивилизаций. Кроме того, Индия может добиться бурного экономического роста и заявить о себе как о главном претенденте на влияние на мировой арене. Тем временем рост мусульманского населения будет

дестабилизирующей силой как для мусульманских стран, так и их соседей. Большое количество молодежи со средним образованием будет продолжать подпитывать Исламское возрождение и поощрять мусульманскую воинственность, милитаризм и миграцию. В результате этого в начале двадцать первого века мы станем свидетелями продолжающегося возрождения могущества и культуры не-западных обществ, а также увидим столкновение народов из не-западных цивилизаций с Западом и друг с другом.»

Из главы 6

«Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части. <...> Люди сплачиваются с теми, у кого те же корни, церковь, язык, ценности и институты и дистанцируются от тех, у кого они другие.»

«История показывает нам, что взаимоотношения между странами или другими общностями людей одной и той же цивилизации отличаются от взаимоотношений между странами или общностями из разных цивилизаций. <...> Человеку свойственно ненавидеть. Для самоопределения и мотивации людям нужны враги: конкуренты в бизнесе, соперники в достижениях, оппоненты в политике. <...> В отрыве от культуры соседство не ведет к общности и может иметь прямо противоположный результат. Военные альянсы и экономические союзы требуют сотрудничества от своих членов; сотрудничество опирается на доверие, а доверие легче всего возникает на почве общих ценностей и культуры.»

«Россия была разорванной страной на протяжении нескольких столетий, и <...> она является еще и стержневым государством основной цивилизации. Если <...> Россия примкнет к Западу, православная цивилизация перестанет существовать. Крах Советского Союза вызвал жаркие споры среди россиян по центральному вопросу отношений России с Западом.»

Пояснение. Разорванной страной автор считает страну, в которой заметно присутствуют народы разных цивилизаций. Далее последовал обзор цивилизационной истории России. Ниже только заключительный абзац.

«Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом между идеологиями, которые, несмотря на все свои основные отличия, имели сходство: обе были современными, светскими и якобы ставили своей конечной целью достижение свободы, равенства и материального благополучия. Западный демократ мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православным националистом для него будет невозможно.»

Из главы 7

«По соображениям безопасности стержневые государства пытаются включить в свой состав или подчинить влиянию народы других цивилизаций, которые, в свою очередь, пытаются сопротивляться или уйти из-под такого контроля (Китай, тибетцы и уйгуры; Россия и татары, чеченцы и мусульмане Центральной Азии).

Культурная общность делает законным лидерство стержневого государства и его роль гаранта порядка как в глазах стран-участниц, так и внешних держав, и институтов. В каждом регионе, где есть доминирующее государство, мир может быть достигнут только под предводительством этой страны.»

«Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Если следовать этому критерию, то вышеградские страны (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), прибалтийские республики, Словения, Хорватия и Мальта могут стать вскоре членами ЕС, и тогда границы Евросоюза совпадут с историческими границами западной цивилизации в Европе.

Поляки утверждают, что они стали частью Запада с момента выбора в десятом веке латинского, а не византийского христианства.

Расширение НАТО ограничено странами, которые исторически являются частью западного христианства, что гарантирует России, что оно не коснется Сербии, Болгарии, Румынии, Молдовы, Белоруссии и Украины, пока та остается единой. Кроме того, ограничение роста НАТО принятием только западных стран также подчеркнет роль России как стержневого государства отдельной православной цивилизации, следовательно, страны, ответственной за порядок вдоль границ православия.»

Заметим, соображение автора относительно Болгарии и Румынии не оправдалось: они входят в НАТО.

«Если Советский Союз был сверхдержавой с глобальными интересами, Россия – это крупная держава с региональными и цивилизационными интересами.»

Из главы 8

«<...> основной проблемой взаимоотношений между Западом и остальными стало несоответствие между стремлением Запада – особенно США – насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это.

На Западе укрепилось мнение, что идеология демократического либерализма триумфально победила во всем мире, и поэтому она универсально приемлема.»

«Ислам и Китай обладают великими культурными традициями, очень отличными от традиций Запада и, в их глаз намного превосходящими традиции Запада. Из-за того, что у ислама отсутствует стержневое государство, отношения каждой отдельно взятой исламской страны с Западом существенно различаются. Однако с начала 1970-х прослеживаются довольно четкие антизападные тенденции.»

«Легкомысленное предположение Запада, что демократически выбранные правительства будут прозападными и настроенными на сотрудничество, не оправдалось в не-западных обществах, где избирательная борьба может привести к власти антизападных националистов и фундаменталистов.

Миграция становится самонарастающим процессом. Если в миграции и есть хоть один «закон», то он заключается в том, что миграционный поток, однажды начавшись, увеличивает свою скорость. Мигранты дают возможность мигрировать своим друзьям и знакомым, снабжая их информацией о том, как мигрировать, средствами для облегчения переезда, а также оказывают помощь в поиске работы и жилья. Результатом становится глобальный миграционный кризис.

Проблема не в том, будет ли Европа исламизирована или Соединенные Штаты латиноамериканизированы. Вопрос в том, станут ли Европа и США расколотыми странами, состоящими из двух явно выраженных и весьма различных сообществ, из двух разных цивилизаций, и проблема эта зависит, в свою очередь, от количества иммигрантов и степени, в которой они будут ассимилированы в западные культуры, преобладающие в Европе и Америке.»

Из главы 9

«Складывающиеся ныне межцивилизационные отношения будут варьироваться от холодности до применения насилия.»

«На глобальном, или макроуровне, возникают конфликты между стержневыми государствами.»

Подъем китайской державы может породить стремление государств иных цивилизаций, таких как США, Индия и Россия, сбалансировать этот процесс.»

«Утверждали, что у Запада противоречия не с исламом вообще, а только с непримиримыми исламскими экстремистами. Четырнадцать веков истории свидетельствуют об обратном. Отношения между исламом и христианством – как православием, так и католичеством во всех его формах, – часто складывались весьма бурно. Каждый был для другого Иным.»

«<...> среди войн, которые в период с 1820 по 1929 год вели между собой государства с различными религиями, 50 процентов составляли войны между мусульманами и христианами.»

Обе они являются монотеистическими, а значит, в отличие от политеистических верований, не могут с легкостью принимать новых божеств, и обе воспринимают мир дуалистически “мы” и “они”.»

«Причины возобновленного конфликта между исламом и Западом лежат в фундаментальных вопросах власти и культуры.»

«В прошлом мусульманские лидеры говорили своим народам: “Мы будем вестернизироваться”. Сегодня вряд ли отыщется какой-нибудь мусульманин, который в своих заявлениях восхваляет западные духовные ценности и институты. Вместо этого они подчеркивают различия между своей и западной цивилизациями, превосходство своей культуры и необходимость сохранения целостности этой культуры перед натиском Запада. Мусульмане боятся мощи Запада, она вызывает у них возмущение, они видят в ней угрозу для своего общества и своей веры. Они рассматривают западную культуру как материалистическую, порочную, упадническую и аморальную, преисполненную греховных соблазнов и потому, следовательно, подчеркивают необходимость сопротивления ее воздействию на их образ жизни.»

«Из-за тенденции американцев определять “хорошие” отношения как “дружественные”, США оказываются в невыгодном положении в конкурентной борьбе с азиатскими странами, для которых “хорошие” отношения – те, которые приносят им победы.»

«Аналитики сравнивают подъем Китая с возвышением кайзеровской Германии в конце девятнадцатого столетия в качестве доминирующей силы в Европе. Возникновение новых великих держав – процесс всегда крайне дестабилизирующий, и если подобное произойдет, то выход Китая на международную арену затмит собой любые сравнимые явления на протяжении второй половины второго тысячелетия.»

Конкретные политические рекомендации автора здесь не цитируются.

Из главы 10

«Афганская война превратилась в войну цивилизаций потому, что мусульмане во всем мире считали ее таковой и сплотились в борьбе против Советского Союза. Война в Персидском заливе – потому, что Запад осуществил военное вмешательство в мусульманский конфликт.»

«Конфликты по линиям разлома – национально-религиозные или межобщинные, конфликты между государствами или группами государств, принадлежащими к различным цивилизациям. Войны по линиям разлома – конфликты, которые переросли в насильственные действия. В конфликты по линиям разлома в пределах одной страны группировка, которая не контролирует правительство, обычно сражается за независимость и на что-то меньшее либо готова согласиться, либо нет. Иногда конфликты по линиям разломов представляют собой борьбу за контроль над народом. Гораздо чаще борьба идет за обладание территорией. Целью по меньшей мере одного из участников конфликта является завоевание территории и освобождение ее от другого народа путем изгнания или физического уничтожения, или и того, и другого вместе, что представляет собой “этническую чистку”.

Когда такие войны происходят внутри государств, то длятся они в среднем в шесть раз дольше, чем войны между государствами. Следствием этого обычно является большое число погибших и беженцев.»

«Ислам с самого начала был религией меча, и он прославляет военную доблесть. Истоки ислама – среди “воинственных племен бедуинов-кочевников”, и это “происхождение в среде насилия отпечаталось в фундаменте ислама. Самого Мухаммеда помнят как закаленного воина и умелого военачальника”.

«Фактором, объясняющим как внутриисламские конфликты, так и конфликты вне его границ, является отсутствие в исламе одной или нескольких стержневых стран: Саудовская Аравия, Иран, Пакистан, Турция и, в потенциале, Индонезия, соперничают между собой за влияние в мусульманском мире.

Самое важное: демографический взрыв в мусульманских странах и значительная доля в общей численности населения мужчин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, зачастую не имеющих работы, является естественным источником нестабильности и насилия как внутри самого ислама, так и в отношении не-мусульман. Какими бы ни были другие причины, одного этого фактора достаточно для объяснения мусульманского насилия.»

Из главы 11

«По мере развития революций умеренные, жирондисты и меньшевики проигрывают радикалам, якобинцам и большевикам.»

«Во все войны по линиям разломов в 1990-х годах были вовлечены диаспоры и родственные страны.»

Автор излагает основные схемы конфликтов в Палестине, в Таджикистане, на Сев. Кавказе, в Нагорном Карабахе, в Югославии как конфликтов по межцивилизационным линиям разлома. В них, за исключением Палестины, отчетливо прослежено участие России.

Из главы 12, заключительной и самой значительной

«Цивилизации приходят в упадок, когда прекращают “использование избытка для новых способов производства, т.е. уменьшается темп инвестирования”. Это происходит потому, что у контролирующих излишек социальных групп имеется привилегированная верхушка, которая использует его для “непроизводительных, но удовлетворяющих эго целей, которая распределяет излишки для потребления, но не обеспечивает более эффективных методов производства”. Затем разложение приводит к стадии вторжения, “когда цивилизация, более не способная защищать себя, потому что она более не хочет защищать себя, оказывается беззащитной перед “захватчиками-варварами”, которые часто приходят из “другой, более молодой, более сильной цивилизации. Может ли Запад обновиться или будет вынужден претерпевать внутреннее загнивание, просто ускоряя конец и/или подчинение другой, экономически и демографически более динамичной цивилизации?»

«Иммиграция является потенциальным источником новой энергии и человеческого капитала только при выполнении двух условий: первое, если приоритет отдается способным, квалифицированным, энергичным людям с талантами и знаниями, в которых нуждается принимающая сторона; второе, если новые мигранты и их дети ассимилировались в культуру конкретной страны и Запада вообще.

Американская национальная идентичность определялась в культурном отношении традициями западной цивилизации, а политически – принципами “американского идеала”, с которыми согласно подавляющее большинство американцев: свобода, демократия, индивидуализм, равенство перед законом, конституционализм, частная собственность. Оба компонента подвергались нападкам мелких, но влиятельных групп интеллектуалов и публицистов. Во имя мультикультурности они избрали объектом своей критики отождествление США с западной цивилизацией, отрицая существование единой американской культуры, и поддерживают расовые, этнические и другие субнациональные культурные особенности и группировки. Они осуждают систематическое пристрастие к европейской культуре и “преобладание европейско-американской монокультурной перспективы”. Мультикультураллисты в наследии Запада видят разве что преступления Запада, грешное европейское наследие. Они желают создать страну из множества цивилизаций, иначе говоря, страну, не принадлежащую ни к какой цивилизации и лишенную культурного ядра. История показывает, что ни одна страна, так составленная, не просуществует достаточно долго как связное общество. Полицивилизационные Соединенные Штаты Америки не будут Соединенными Штатами; это будут Объединенные Нации.»

«<...> западная вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна; она аморальна, и она опасна.

Ошибочность ее – широко распространенное на Западе представление, что культурное разнообразие – некий исторический курьез, который быстро исчезает в результате экспансии всеобщей, ориентированной на Запад, англофонной мировой культуры.

Вера в то, что не-западным народам нужно усвоить западные ценности, институты и культуру, аморальна. <...> будучи зрелой цивилизацией, Запад более не обладает экономическим или демографическим динамизмом, необходимым для

навязывания своей воли другим государствам. А любые попытки добиться этого также противоречат западным ценностям самоопределения и демократии.

Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада.

Запад отличается от прочих цивилизаций особенным характером своих духовных ценностей и общественных институтов. Среди них наиболее яркими являются западное христианство, плюрализм, индивидуализм и верховенство закона, что позволило Западу создать современный мир, осуществить мировую экспансию и превратиться в объект зависти других стран. Это – *европейские* идеи, не азиатские, не африканские, не ближневосточные. Западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что действительно уникальна. Следовательно, главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы пытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада – что выше его клонящегося к упадку могущества, – но чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации.

Поскольку Соединенные Штаты Америки – наиболее могущественная страна Запада, то ответственность за это ложится главным образом именно на них. Чтобы уберечь западную цивилизацию, надо: <...>

- сдерживать развитие военной мощи исламских и синских стран – как обычных видов вооружения, так и средств массового поражения; <...>
- признать Россию как стержневую страну православной цивилизации и крупную региональную державу, имеющую законные интересы в области обеспечения безопасности своих южных рубежей;
- сохранить западное технологическое и военное превосходство над другими цивилизациями;
- осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире.

Чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн, стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях.»

«Людам всех цивилизаций следует искать и стремиться распространять ценности, институты и практики, которые являются общими и для них, и для людей, принадлежащих к другим цивилизациям.

В столкновении цивилизаций Европа и Америка будут держаться вместе – либо погибнут поодиночке. В более масштабном столкновении великие мировые цивилизации также должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке. В нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны.»

Дополнение к главе 3 части 2 книги. Самодостаточность района

В книге ничего не сказано о том, почему рассмотрены только те районы, численность населения которых превышает 1 млн. Мало-мальски строго основания для этого не было и нет. Не имея возможности исследовать вопрос социологически, автор опирался только на свою интуицию. Исходя из знакомства с рядом городов и городков России и других стран, автор полагает, что меньшее количество жителей не может обеспечить самодостаточность района даже на минимальном уровне. Под самодостаточностью он имеет в виду всё то, что требуется для благополучия населения района. Самодостаточность имеет две стороны, количественную и качественную.

Во-первых, количество жителей должно быть достаточным для осуществления в районе необходимых функций. Среди них основные функции обслуживания населения: медицина, образование (в том числе высшее хотя бы по главным направлениям), социальная помощь, безопасность, наука (хотя бы по тем направлениям, которые соответствуют производственной деятельности в районе), культура (библиотеки, средства информации, театры, филармония, музеи, выставки). И, конечно, необходимо производство основных продуктов питания и каких-то немаловажных видов промышленной продукции.

Во-вторых, все функции обслуживания населения должны выполняться на том уровне, который необходим для понимаемой современно нормальной жизни людей, а некоторые виды производственной деятельности должны находиться на особенно высоком уровне – на уровне, достаточном для того, чтобы быть интересными для других районов, особенно ближайших. Выполнение этого требования к производству является необходимым условием взаимодействия с другими районами – конкретно говоря, для возможности получения от тех районов всего того, чего, естественно, недостаёт в данном районе в силу ограниченности наличного человеческого ресурса. Например, район Самары, имея довольно большую численность населения (3,7 млн.), обладает по крайней мере двумя уникальными преимуществами – крупным автозаводом и манёвренностью крупной электростанции (гидростанция на Волге), возможности которых значительно превышают потребности самого района.

По представлениям автора самодостаточность района в смысле указанных выше требований проблематична и при миллионе жителей, а при меньшем их количестве – недостижима.

С другой стороны, некоторые из рассмотренных в книге районов, например Урал, настолько велики, что могут существовать даже самостоятельно. Тем более это относится к сумме четырёх наиболее хорошо связанных районов: Петербург, Воронеж, Нижн. Новгород и их центр в Москве.